

УДК 801.73

О “ПОГРАНИЧНОМ” ДИСКУРСЕ П.Н. Донец (Харьков, Украина)

П.Н. Донец. О “пограничном” дискурсе. В статье речь идет о причинах возросшего в последнее время интереса к проблематике “границы”, определяется структура концепта ГРАНИЦА; вводится понятие “пограничного дискурса”, охватывающее общение и иную интеракцию участников соответствующей процедуры до, в процессе и после пересечения государственной границы, а также описываются его основные особенности.

Ключевые слова: граница, концепт, дискурс, факторы дискурса, жанр дискурса, пограничный дискурс.

П.М. Донець. Про “пограничний” дискурс. У статті йдеться про причини інтересу до проблематики “кордону”, що збільшується останнім часом, визначається структура концепту КОРДОН; вводиться поняття “кордонного дискурсу”, яке охоплює спілкування та іншу інтеракцію учасників відповідної процедури до, в процесі та після перетину державного кордону, а також описуються його основні особливості.

Ключові слова: кордон, концепт, дискурс, чинники дискурсу, жанр дискурсу, кордонний дискурс.

P.N. Donec. On the border discourse. The article deals with the reasons of increasingly growing interest to the subject matter of “border”. The structure of the border concept is determined. The category of “border discourse” embracing respective procedure participants' communication and other interaction before, during and after crossing the state border is introduced; its basic features are described.

Keywords: border, concept, discourse, factors of discourse, genre of discourse, border discourse.

Как известно, дискурс представляет собой многомерное образование, и его типологизация возможна на основании различных признаков, в частности, социального, коммуникативной тональности, канала общения, тематики, способов воздействия и информирования и др. [Карасик 2010: 279].

В настоящей статье речь пойдет о “пограничном” дискурсе, выделяемом на ситуативно-интеракционном и тематическом основаниях.

Категория “границы” привлекает в последнее время все большее внимание со стороны исследователей, работающих в самых различных отраслях науки. Этот интерес обусловлен целым рядом причин, среди которых можно выделить:

- **политические:** постепенное исчезновение традиционных государственных границ в Западной и Центральной Европе (создание и расширение Европейского Союза, Шенгенский договор), с одной стороны, и появление новых в связи с распадом Советского Союза, Чехословакии и Югославии – с другой;
- **экономические:** глобализация, постепенно намечающееся истощение различных природных ресурсов, а также достижение человечеством демографических и экономических пределов роста во многих сферах жизни;
- **социологические:** интенсивные дебаты в западных странах относительно процессов этнического отграничения и интеграции в связи с проповедовавшейся долгое время политикой “мультикультурализма”, ср. [Gestrich 1998: 9];
- **культурные:** постмодернистское размывание всех жанровых границ в искусстве, а также междисциплинарных разграничительных линий в науке;
- **эвристически-концептуальные:** референциальная мультивалентность и гибкость категории, позволяющая использовать ее при изучении феноменов самой различной природы.

Указанная мультивалентность объясняется “полисемантической” соответствующего концепта. Понятие ГРАНИЦА достаточно многозначно и распадается на ряд “семем”: 1) линия, разделяющая две сущности, 2) линия, разделяющая одну сущность на две или более частей, 3) край, конец некоторой сущности, 4) край, начало некоторой сущности, 5) пересечение, смешанная зона двух сущностей, 6) порог, разрушение некоторой сущности или переход ее в качественно иное состояние, 7) барьер, фильтр, мембрана.

Прототипической “семемой” ГРАНИЦЫ следует признать границу государственную – как показывает, к примеру, анализ немецкоязычного материала (можно исходить из того, что концепт ГРАНИЦА практически полностью совпадает с немецким коррелятом GRENZE). Так, в вероятно, наиболее авторитетном толковом словаре немецкого языка “Дуден” (Duden. Das Bedeutungswörterbuch) в качестве первого значения лексемы *Grenze* указывается: “...1.a) *durch entsprechende Markierungen gekennzeichnete Geländestreifen, der politische Gebilde (Länder, Staaten) voneinander trennt*”.

Этот вывод подтверждается и при изучении не менее известного Большого немецко-русского словаря под ред. О.И. Москальской – из 106 композит и дериватов с компонентом “Grenz(e)”, содержащихся в указанном словаре, 73, то есть 66 %, имеют отношение к семеме “государственная граница”.

В дальнейшем мы будем иметь в виду именно эту разновидность границ, которая может быть определена как линия, разделяющая два государства (объединение государств) и выполняющая функции фильтра или мембраны.

Дискурс, связанный с пересечением государственной границы, может быть подразделен, условно говоря, на: “пре-”, “ин-” и “постграницный” дискурсы. Первый из указанных типов дискурса охватывает общение и иную интеракцию

участников соответствующей процедуры до пересечения границы, второй – при ее непосредственном пересечении, а третий – рефлексию пересекших границу по поводу этого события в формах беседы, путевых заметок, мемуаров и т.д.

Как уже отмечалось выше, всякий дискурс представляет собой весьма сложный феномен, и поддается разделению на ряд факторов (Участники общения, Деятельность, Интенция, Мотив, Ситуация, Код, Тезаурус, Тема, Текст и др.).

Участниками “преграничного” дискурса являются *Пересекающие границу (Трансгрессанты)*: пассажиры, пешеходы, водители собственных автомобилей, обслуживающий персонал (проводники вагонов, водители автобусов и т.д.).

Ситуацию соответствующего дискурса можно определить как зону, непосредственно предшествующую пограничному контрольно-пропускному пункту. *Темы* общения зачастую касаются решения таможенных проблем (наличие валюты, распределение ограниченных квот на ввоз товаров, например, сигарет, или багажа, если его вес превышает норму, между спутниками) и иных обыденных затруднений (место в очереди, использование формальных и неформальных способов облегченного пересечения границы, обсуждение наиболее выгодных с коммерческой точки зрения предметов торговли и т.д. Необходимость преодолевать “тяготы и лишения” пересечения границы нередко приводит к возникновению специфической солидарности между Трансгрессантами [Бредникова 1999], ср. характерный пример подобного дискурса:

“Один из самых простых путей в Польшу для украинца начинается на автовокзале волынского Ковеля, откуда в направлении Люблина постоянно отходят рейсовые автобусы.

У касс к нам подходит женщина среднего возраста:

– Молодежь не в Польшу едет?

– В Польшу, – соглашаемся мы и слушаем ее инструкции, каким путем лучше всего попасть в Варшаву и в какой кассе можно скорее приобрести билеты.

– А вы сигареты с собой везете, нет? – осторожно спрашивает наша благодетельница.

– Пока нет, – подмигиваем и обещаем помочь ей в транспортировке табачных изделий.

Каждый человек, пересекающий украинско-польскую границу, имеет право провезти с собой блок сигарет и бутылку водки. Много лет подряд тысячи украинцев Волыни и Галичины зарабатывают на жизнь продажей отечественного табака и спирта по ту сторону границы. Понятно, легальной квотой не ограничиваются, но грех не воспользоваться возможностью провезти лишний блок на вполне законных основаниях.

Автобус отбывает, на перроне остается кучка женщин с сумками. Нет, они не передумали ехать – водитель подбирает их всех за углом, выехав за пределы автовокзала (подалее от глаз руководства).

– *А когда мы будем в Варшаве? – спрашивает киевская студентка, едущая в гости к маме, которая работает в Польше.*

– *До границы доедем через полтора часа, оттуда в Варшаву – четыре с половиной. А сколько будем стоять на границе – не знает никто, – ответил водитель”.*

(<http://glavred.info/archive/2007/12/05/170012-6.html>)

В случае “инграницного дискурса” к Участникам общения добавляются Служители границы: пограничники, таможенники, автоинспекторы, сотрудники фитосанитарного и ветеринарного, а иногда и медицинского надзора (к примеру, при эпидемиях тех или иных болезней), страховщики и т.д.

Вербальная составляющая этого дискурса носит достаточно бедный и стереотипный характер и может быть сведена к ряду фраз со стороны Служителей границы и соответствующих ответов Трансгрессантов: *“Подготовьте ваши паспорта для контроля!” “Какова цель Вашей поездки?”, “Чей это багаж?”, “Сколько у Вас с собой валюты”, “Есть ли страховка?”* и т.д.

Вместе с тем, прагматическая ценность ответов на эти вопросы весьма велика, ибо Трансгрессанту может быть отказано в выезде из страны/въезде в страну, у него могут быть конфискованы валюта, принадлежащие ему (перевозимые им) предметы искусства, вещи, продукты питания и т.д., от него могут потребовать заплатить пошлину за ввозимые товары и подвергнуть другим малоприятным испытаниям вплоть до личного досмотра, задержания и ареста – иными словами, с точки зрения статусных взаимоотношений “инграницный дискурс” является крайне асимметричным.

Абсурдность ситуации, когда опрашиваемый должен как бы доносить сам на себя, довольно часто вербализуется в “инграницном дискурсе”, ср. фрагмент из юморески М. Задорнова (для творчества которого пересечение границы вообще является своего рода топосом) “Сошлось”:

“Таможенник не узнал меня. Такое, кстати, бывает довольно часто. Начал пытаться заученными вопросами:

– *Наркотики есть? Драгоценности? Антиквариат? Что везете запрещенного?*

От последнего вопроса я даже улыбнулся. Я имел право себе это позволить, потому что, во-первых, не вез ничего запретного. Во-вторых, даже если бы я вез, неужели я бы добровольно ему в этом признался?

– *Скажите, а кто-нибудь вам отвечает, что он везет что-то запретное? – спросил я у таможенника не без лукавства.*

Такой вопрос показался ему большой дерзостью. Он внимательно посмотрел на меня глазами-рентгенами. Похоже, мое лицо показалось ему подозрительно знакомым. Прищурился.

– *Вы не шутите на границе, а лучше откройте “дипломат””.* (<http://www.zadornov.net/books/yanikogdanedumal/2-2-soshlos/>).

Попытки обозначить, вывести на поверхность абсурдность квеситивов со стороны Трансгрессанта воспринимается таможенниками и пограничниками,

как правило, как святотатство, покушение на сакральность ритуала, требующее немедленного наказания, ср. фрагмент интернет-чата, посвященного опыту пересечения казахско-российской границы:

“И главное на границе не шутить....

Я как-то пошутил: На вопрос, есть ли в машине колющие или режущие. Ответил: Да!!! Вон нож в автомобильной сумке, и вон лопата, которой можно труп закопать...

Таможеник посмотрел на меня молча (ни один мускул не дрогнул на его лице!!!) и промолвил: Достаем вещи к осмотру!!!

Это при том, что вещи были утрамбованы в багажнике по самое не хочу (в различные щели умудрился даже носки запихать). И главное, ехал из Борового в РФ в январе 2008 года, морозы ужасные стояли.

Как лох стоял и разгружал там вещи!!! БОЛЬШЕ ТАК НЕ ШУЧУ. Ну и вам не советую!”

(<http://borovoe.kz/forum/viewtopic.php?f=2&t=1589>)

О том, что подобная реакция носит достаточно универсальный характер, может свидетельствовать опыт пересечения границы бывшей ГДР гражданами Голландии:

“Wie die Grenzkontrolle bei der Einreise in die DDR normalerweise von statten ging, erzählen viele andere Zeugen. Bei uns lief es etwas anders. Es wurden, genauso wie bei den anderen Reisenden, die Pässe und Transitvisa kontrolliert, die grüne Karte mußte her, es gab Zwangseintausch von D-Mark gegen DDR-Marken und es wurde schon vier mal nach Waffen gefragt. Da meinte meine Mutter schon daß diese Fragerei ziemlich übertrieben war. Bei der letzten Kontrollstelle am Grenzübergang Helmstedt/Marienborn hatte meine Mutter wohl genug von diesem Theater was sich schon eine halbe Stunde hingezogen hatte.

“Als ein DDR-Grenzler erneut fragte ob wir vielleicht Waffen dabei hätten, hat sie einfach kurz und trocken "ja, immer!" geantwortet und wir erstarrten alle vor Schrecken, da wir erstens nicht mit Scherzen meiner Mutter gerechnet hatten und zweitens meinten, daß es jetzt zu einer unfreundlichen Durchsuchung kommen würde. Auch der Grenzler wußte nicht sofort genau wie er diese Antwort auffassen sollte, packte sich dann wieder zusammen und fragte ob meine Mutter ihm die Waffen zeigen konnte. "Nein", antwortete meine Mutter kurz, aber mit großem Lächeln. Nur meine Schwester kicherte. Der Grenzler fragte jetzt mit androhender Stimme um was für Waffen es sich denn handele. Da antwortete meine Mutter: "Ja, ich habe immer eine Waffe dabei und kann diese auch nicht ablegen... Denn es..." wo der preußisch aussehender Grenzler sie mit einem "Wie bitte!?" unterbrach und meine Mutter ihren Satz beendete mit: "Ja, die weibliche Waffe, natürlich!" Der Grenzler konnte dann ein großes Grinsen nicht mehr unterdrücken, sprang aber stramm in der Haltung, da sein Vorgesetzter auf uns zugelaufen kam. Meine Mutter lobte lächelnd den grinsenden Grenzler seinem Vorgesetzten gegenüber: "Ihre Angestellten sind sehr gut bei der Arbeit, denn sie finden alle Waffen, auch die geheimsten, zurück; Sogar die

weibliche Waffe wurde bei mir gefunden!" Allerdings hatte dieser Major überhaupt keinen Sinn für Humor und er befahl uns barsch und lauthals: "Fahren Sie weiter!"

(http://www.grenzerinnerungen.de/transit_ddd-vr_polien.htm)

Одной из форм проявления протеста против отдельных элементов иррационализма “инграницного дискурса” со стороны Трансгрессантов является перекавалификация речевого акта квеситива на промисив, что тоже вызывает резкую реакцию со стороны таможенников, ср. еще один отрезок из уже цитировавшегося интернет-чата, посвященного впечатлениям при пересечении казахско-российской границы:

“Пффф, это разве шутки, мне лет 14 было, когда на вопрос "оружие, наркотики есть?" я ответил – "таки это вопрос или предложение?"... Вот тогда весело было”.

(<http://borovoe.kz/forum/viewtopic.php?f=2&t=1589>)

Достаточно часто подобная ситуация обыгрывается и в анекдотах:

“Пассажир-новичок прилетел из Стамбула. Таможенник задает вопросы: – Гашиш? Героин? Опииум?

Переполненный впечатлениями от полета пассажир отвечает рассеянно: – Благодарю вас, этого добра у меня у самого полные чемоданы”.

(<http://forum.rastamozhka.ru/showthread.php?t=439>).

“Граница. Ночь. Железнодорожная станция. Таможенный досмотр пассажирского поезда. Распахивается дверь в купе и таможенный чиновник начинает проводить устный опрос непроснувшихся пассажиров:

– Оружие, наркотики, алкоголь, сигареты ...

Тут не совсем проснувшийся пассажир с верхней полки слабым голосом бормочет:

– Нет, спасибо! Чашечку чая, пожалуйста!”

(<http://www.puchkov.net/publications/person/humor.html>)

– Наркотики, оружие, боеприпасы, порнография есть?

– Нет. А у вас купить можно?”

(<http://aleksandr-l.ucoz.ru/news/5-0-2>)

Еще одним вариантом доведения до абсурда “инграницного дискурса” является смена Интенции Служителя границы (в приводимом ниже анекдоте таможенник задает вопросы не с целью не пропустить соответствующие товары или обложить их пошлиной, а наоборот, купить их):

“Греческий таможенник спрашивает нашего туриста:

– Водка есть?

– Нет.

– Икра?

– Нет.

– Сигареты?

– Нет.

– Жаль, говорит таможенник, – а то бы я купил”.

(<http://www.puchkov.net/publications/person/humor.html>)

Разновидность того же приема представляет собой указание заведомо абсурдной Интенции пересечения границы:

“Внесу свои пять копеек в шутки при прохождении таможи. В нашей компании, что каждое лето отдыхает в Боровом, есть девушка. Девушка со славянской внешностью и правильными чертами лица. Так вот она каждый год мужчинам-таможенникам на вопрос “Причина въезда в страну?” – отвечает: “Улучшение генофонда страны”. Реакция таможенников всех следующая – сначала они в ступоре (вспоминают наверно, что такое генофонд), а потом прям растекаются на стуле и улыбаются во весь рот со словами: “Проходите!” – и протягивают паспорт. Каждый год одна и та же реакция у разных людей. У нас компания просто ждет таможи, и гул затихает, когда эта девушка подает паспорт. Один раз правда была осечка, ступор не наступил у таможенника и он задал вопрос – “А ЗАЧЕМ?” Девушка не растерялась и ответила : “Да замуж я хочу, замуж”. После этих слов реакция была как у всех”. (<http://borovoe.kz/forum/viewtopic.php?f=2&t=1589>)

Чрезвычайно важным актом “инграничного дискурса”, пусть и невербального характера, является процедура предъявления паспортов, “метонимически” репрезентирующих интернациональный статус государств, граждане которых вступают во взаимодействие.

Показательным примером такого дискурса может служить известное стихотворение В. Маяковского “Стихи о советском паспорте”, которое в свое время включалось в обязательную программу всех советских школ.

“... К одним паспортам – улыбка у рта. // К другим – // отношение левое. // С почтением // берут, например, // паспорта // с двухспальным // английским левою. // Глазами // доброго дядю выев, // не переставая // кланяться, // берут, // как будто берут чаевые, // паспорт // американца. На польский – // глядят, // как в афишу коза. // На польский – // выпяливают глаза // в тугой // //полицейской слоновости – // откуда мол, // и что это за // географические новости? // И не повернув // головы качан // и чувств // никаких // не изведав, // берут, // не моргнув, // паспорта датчан // и разных // прочих // шведов”.

Таким образом, реакция пограничника на паспорта говорит о высоком (британский, североамериканский), низком (польский) и нейтральном (шведский, датский) интернациональном статусе соответствующих государств того времени (стихотворение было написано в 1928 г.).

Эффект, производимый предъявлением советского паспорта, свидетельствует о статусе изгоя, опасного соперника, которым обладала Советская Россия в Европе 1920-х годов, ср.:

“И вдруг, // как будто // ожогом // рот // скривило // господину. // Это // господин чиновник // берет // мою // краснокожую паспортину”.

“Постграничный дискурс” может быть подразделен на 2 подвида: а) беседу Трансгрессантов после пересечения границы и б) рефлексии Трансгрессанта по поводу этого события в путевых заметках, публицистических и научных

статьях, мемуарах и т.д.; достаточно часто также можно встретить их комбинации.

Темами подобного дискурса обычно являются сходства или различия в ландшафтах, архитектуре, в одежде и поведении местных жителей, соответствие увиденного ожиданиям, описание психологического состояния Трансгрессанта, попавшего в чуждую обстановку и т.д.

Характерным примером такого рода дискурса может послужить фрагмент из цикла путевых очерков “За рубежом” М. Е. Салтыкова-Щедрина (1880-1881), в котором описываются ощущения русских путешественников после пересечения ими тогдашней российско-германской (восточно-прусской) границы:

“Странное дело! покуда мы пробирались к Вержболову (немцы уж называют его Wirballen), никому из нас не приходило в голову выглядывать в окна и любопытствовать, какой из них открывается пейзаж. Как-то само собой предполагалось, что все известно и переизвестно. “Мокрое место, по которому растет ненастоящий лес” – вот картина, которую ожидал встретить взор и во избежание которой всякий старался убить время независимо от впечатлений родной природы. (...)

И вот едва мы разместились в новом вагоне (...), как тотчас же бросились к окнам и начали смотреть.

Природа, которая открывалась перед нами, мало чем отличалась от только что оставленной мною природы русско-чухонского поморья, в песках которого ютилось знакомое читателю Монрепо. Та же низменная равнина, те же рудо-желтые пески, вперемежку с торфяными низинками. Но ни кочкарника, ни мхов, ни лезущего отовсюду лозняка, ни еле дышащей, одиноко стоящей и во все стороны гнущейся березки – и в помине нет. И справа и слева тянутся засеянные поля, к которым гораздо более идет эпитет “необозримых”, нежели, например, к полям Тверской или Ярославской губерний и вообще средней полосы России. (...) В Чембаре так долго и легкомысленно рассчитывали на бесконечную способность почвы производить “буйные” хлеба, что и не видали, как поля выпалились и хлеба присмирели. Здесь же, очевидно, ни на какие великие и богатые милости не рассчитывали, а, напротив, и днем и ночью только одну думу думали: как бы среди песков да болот с голоду не подохнуть. В Чембаре говорили: а в случае ежели бог дожжичка не пошлет, так нам, братцы, и помирать не в диковину! а в Эйдткунене говорили: там как будет угодно насчет дожжичка распорядиться, а мы помирать не согласны!

Почему на берегах Вороны говорили одно, а на берегах Прегеля другое – это я решить не берусь, но положительно утверждаю, что никогда в чембарских палестинах я не видал таких “буйных” хлебов, какие мне удалось видеть нынешним летом между Вержболовом и Кенигсбергом, и в особенности дальше, к Эльбингу. Это было до такой степени неожиданно (мы все заранее зарядились мыслью, что у немца хоть шаром покати и что без нашего хлеба немец подохнет), что некто из ехавших рискнул даже заметить:

– Вот увидите, что скоро отсюда к нам хлеб возить станут!

На что другой ехавший патристически-задумчиво пробормотал:

– Ну, это уж, кажется, не тово... Этак, брат колбаса, ты, пожалуй, и вовсе нас в полон заберешь!

Но этого мало, что хлеба у немца на песках родятся буйные, у него и коровам не житье, а рай, благодаря изобилию лугов. (...)

Даже лес – и тот совсем не так безнадежно здесь смотрит, как привыкли думать мы, отапливающие кизяком и гречневой шелухой наши жилища на берегах Лопани и Ворсклы. С чего-то мы вообразили себе (должно быть, Печорские леса слишком часто нам во сне снятся), что как только переваляешь за Вержболово, так тотчас же представится глазам голое пространство, лишённое всякой лесной растительности. "Кабы не мы, немцу протопиться бы нечем" – эта фраза пользуется у нас почти такую же популярностью, как и та, которая удостоверяет, что без нашего хлеба немцу пришлось бы с голодудохнуть. В действительности же все горы Германии покрыты отличным лесом, да и в Балтийском поморье недостатка в нем нет" (Салтыков-Щедрин: 12-15).

Примечательным в этом отрывке является также разрушение национальных авто- и гетеростереотипов у русских путешественников, как и интуитивное нащупывание ими культурных архетипов, обусловивших столь значительные различия в окружающей действительности.

Более глубокую, по сути уже философскую, рефлексию по поводу факта пересечения границы можно проиллюстрировать следующими словами известного русского философа Н. А. Бердяева:

"На вокзале я бывал почти болен, равно как и на таможах, хотя на границах я никогда не имел неприятностей и у меня даже почти никогда не смотрели багажа. Но вместе с тем путешествие всегда обостряло мое чувство жизни, переезд за границу был по моему чувству как бы трансцендирование. Заграничное ведь и значит трансцендентное. Я не любил уезжать, но любил приезжать в новые места. Новое место давало мне чувство меньшей зависимости от обыденной действительности и открывало больший простор для мечты" (Бердяев 1991: 268).

Отдельную разновидность "пограничного дискурса" представляет собой дискурс художественный: в виду имеются песни ("Эй, вратарь, готовься к бою!" ..., "На границе тучи ходят хмуро..."), фильмы ("Джульбарс", "Застава в горах", "Приказано взять живым", "Государственная граница", "Паспорт", "Окно в Париж"), а также многочисленные книги и рассказы (о последних тенденциях в дискурсе этого типа, см. например [Brednikova 2000, Бредникова 2002]), однако эта проблема заслуживает самостоятельного рассмотрения.

В настоящем исследовании мы смогли затронуть лишь некоторые стороны "пограничного дискурса" – феномена, представляющего интерес для многих

научных дисциплин и, безусловно, заслуживающего дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бредникова О. Граница и структурирование нового социального пространства (случай Нарвы-Ивангорода) / О. Бредникова, В. Воронков // Кочующие границы. – СПб. : Труды ЦНСИ, 1999. – Вып.7. – С. 19–25.
2. Бредникова О. Последний рубеж? / О. Бредникова. // Отечественные записки. – 2002. – № 6 (7). – С. 276–284.
3. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 422 с.
4. Brednikova O. Die letzte Feste. Über die Staatsgrenze in der sowjetischen und postsowjetischen Literatur / O. Brednikova // Berliner Debatte – Initial. – 2000. – № 5-6 (11). – S. 125–131.
5. Gestrich A., Einleitung / A. Gestrich, M. Krauss // Migration und Grenze. – Stuttgarter Beiträge zur Historischen Migrationsforschung. – Bd. 4. – Stuttgart : Steiner 1998. – S. 9-14.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Бердяев Н.А. Самопознание / Н.А Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 446 с.
2. Маяковский В.В. Стихи о советском паспорте / В.В. Маяковский. // Сочинения в 2-х томах. – Т. 1. – М.: Правда, 1987. – С. 595-596.
3. Салтыков-Щедрин М. Е. За рубежом / М. Е. Салтыков-Щедрин. // Собр. соч. – Т. XIV. – М.: Худ. лит-ра, 1972. – С. 7-46.

Павел Николаевич Донец, доктор филол. наук, доц. кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина; e-mail: p_donec@list.ru